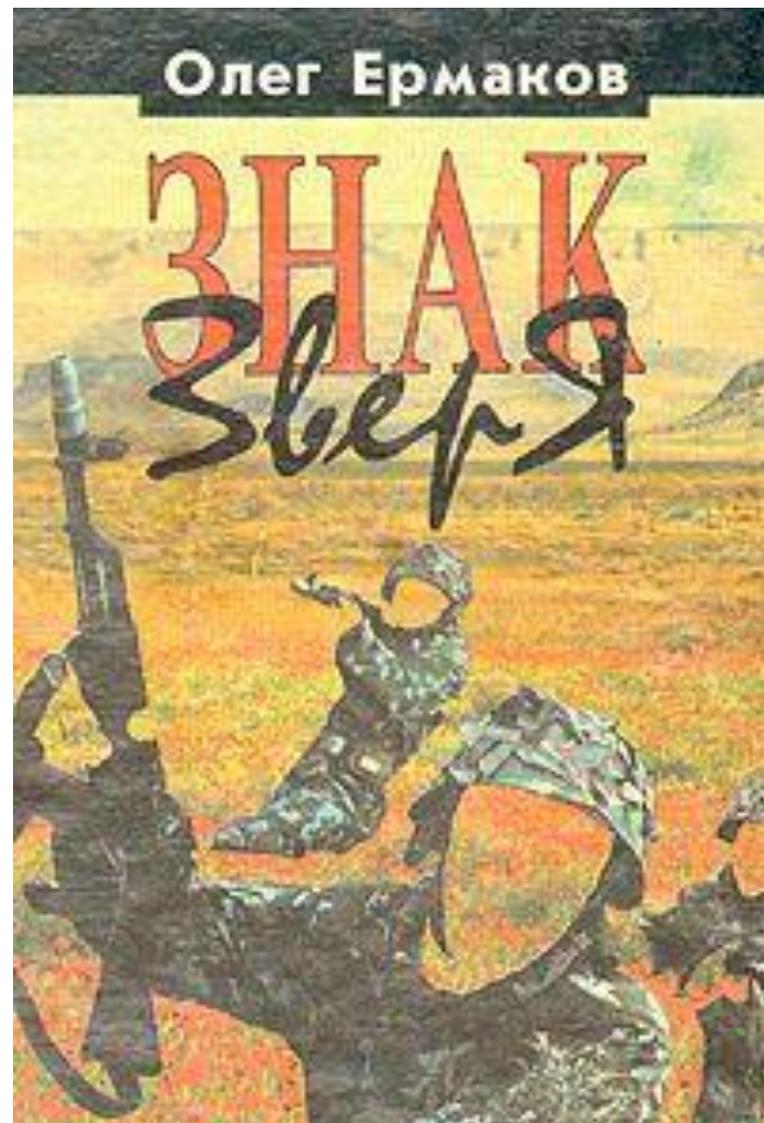


Философский
контекст в романе
О. Ермакова «Знак
зверя»





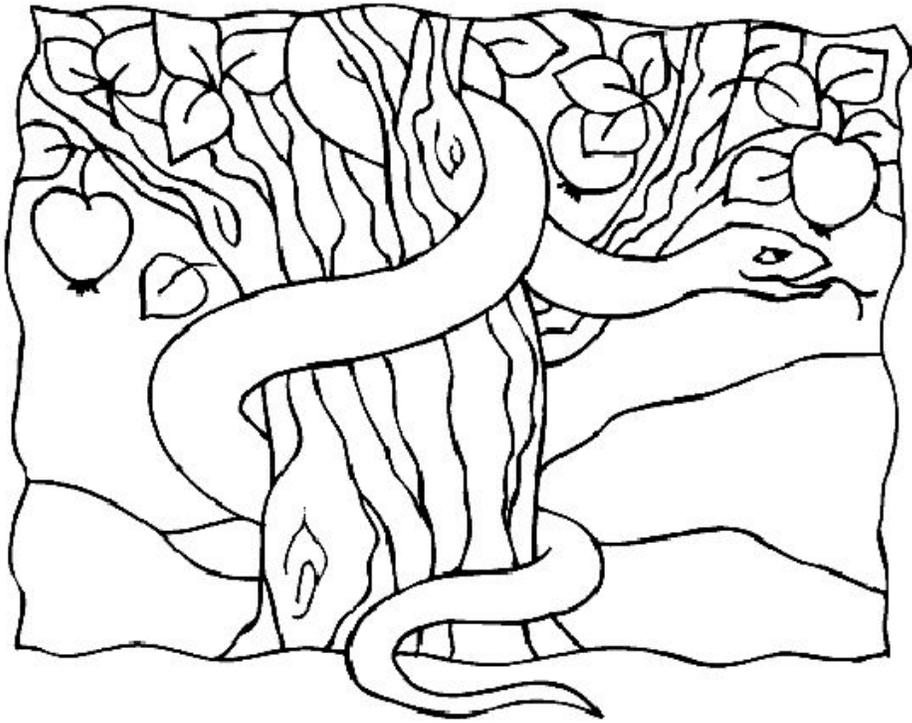
В 1981-183 гг. Олег Ермаков служил в рядах Советской Армии. Служба проходила в Афганистане.

Первым опытом писателя в создании крупной жанровой формы стал роман «Знак зверя», который был напечатан в 1992 году в журнале «Знамя». Отдельной книгой роман и рассказы вышли в смоленском издательстве «Русич» двумя годами позже. Всё, о чём писал начинающий автор, было правдиво и реально; так мог писать только очевидец. Материалом для романа стали дневники, которые Ермаков вёл все два года службы в Афганистане. Роман «Знак зверя» был воспринят многими критиками как крупное событие и сразу же вошёл в «большую литературу». «Это – лучшее, самое глубокое, что о ней (об афганской войне. – С.В.) написано», – утверждал Г. Бакланов.



В одном из своих писем О.Н. Ермаков рассказывал ... об истории создания романа «Знак зверя»: «Наверное, в 89 году я начал об этом думать, после рассказов. Почему именно роман? Чувствовал, что надо рассказать всё, что я знаю об этом, и только тогда смогу взяться за главное - так думалось мне - за книгу странствий, книгу природы... Эпиграф сначала я хотел взять из Ницше, но потом остановился на библейском, уточняющем название... Могу сказать вот ещё что: некоторые герои мне снились; и вообще время написания было ярким, пронизанным какими-то молниями. Сейчас меня удивляет моя наивность, но факт: я думал, что этот роман и впрямь будет заклинанием против вепря, сиречь - войны.»

«О дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его. Откровение Иоанна Богослова, 14:11»



Ермаков создаёт образ змея, у которого «есть несколько драгоценных росинок под языком³, и именно он представляет опасность для главного героя — Глеба Свиридова, волею судьбы оказавшегося в Афганистане. Мечта о яде, который убивает, возникает у Глеба сразу.

В двенадцатой главе первой части романа эта мысль прозвучит повторно. Но если в начале части это желание мстить детерминировано императивной потребностью героя отстоять себя, то в конце — удовлетворением от гибели одного из «дедов»: «...спасибо, сестричка эфа или сестричка гюрза... змеиный бог отблагодарил меня... Шубилаева шипящая сестричка отправила в санчасть и, может быть, на тот свет»



Змей — это одна из ипостасей многоликого сатаны, поэтому прямая отсылка к Библии очевидна. В главе 13 «Откровения Иоанна Богослова» создан аллегорический образ зверя, «выходящего из моря... с семью головами и десятью рогами»: на рогах его «десять диадим», а на головах — «имена богохульные» (Откр. 13:1).

Зверь становится мотивом романа, определяя художественную концепцию повествования, т.е., по словам Б. Н. Путилова, является «устойчивой семантической единицей», характеризующейся «повышенной, можно сказать, исключительной степенью семиотичности» и обладающий «устойчивым набором значений»



Глеб Свиридов, изначально чувствуя потребность взбунтоваться против порядков «дедов», не принимая себя в образе Зверя — Черепахи, хочет взбунтоваться, хотя внутренне уже останавливается, ощущая недостаток сил для противостояния всеобщему озверению. Глеб тоскует по другу Борису, который поддержал бы его «революцию», и один из многочисленных повторов во внутренних диалогах героя строится на антитезе: «Жаль, нет Бориса. Но здесь есть я. И я могу сказать: нет»

В Библии зверь отождествляется с Левиафаном — чудовищным первозданным драконом или змеем, некогда вызвавшим на бой Иегову. В книге пророка

Исаии сказано: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжёлым, и большим

и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьёт чудовище морское» (Исаия 27:1). Змей предстаёт в трёх ипостасях: «прямобегущий» — человеческая эманация; «изгибающийся» — мифологический

дракон и «чудовище морское». Библейские образы интертекстуально воплощены

в романном действии: «...эти твари разнообразны: безногие, круглые, длинные,

узкомордые, многоногие, мохнатые...»



В романе «Знак Зверя» своеобразные «казни» имманентно связаны с десятью казнями египетскими, изложенными в «Пятикнижии» Моисея (Исход 7–12): наказание кровью, казнь лягушками, нашествие мошек, травля дикими зверями, мор скота, язвы и нарывы, гром, молнии и огненный град, нашествие саранчи, необычная темнота, казнь первенцев. Но каждая из них осмыслена в романе метафорически, причём каждая интерпретация выступает базовой, ключевой метафорой, не только являясь проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления, но и задавая аналогии и ассоциации между различными системами понятий и порождая более частные метафоры



Имманентная связь романного текста с библейским, художественное обыгрывание десяти ветхозаветных казней египетских, «игра на противопоставлении «реального/условного» свойственна любой ситуации «текст в тексте». Библейские интертексты позволяют Ермакову сплести частную жизнь индивидуума с жизнью общечеловеческой и природной; воспринимать отрезок времени, отведённый под эту жизнь, в контексте вечности; вписывать внутреннее духовное пространство человека в географическое и ментальное

Мифолого-символический компонент имеет особую значимость уже потому, что характеризует отчуждение от Богом оставленного пространства и тотальное одиночество человека в мире, где правит «князь тьмы», и этот компонент «является скрытой частью, гранью концепта, неизменно присутствующей в его структуре в качестве элемента, привнесённого библейской мифологией», и реализующегося на определённых этапах развития сюжета романа.